

Се Аньлань сжимал в руке холодный и твердый паровой бунтоу, облаченный в черное подвенечное манто с вышитыми питонами, и прямо стоял у парадного входа собственного имения вана.

Глядя на это обширное и в то же время жутковатое имение вана, он сделал глубокий вдох морозного воздуха, чтобы сохранить рассудок.

Кто бы мог поверить, что какая-то автокатастрофа перенесет его из технологически развитого современности в цивилизационно отсталое прошлое?

Честно говоря, против самого перемещения во времени он ничего не имел, но его возмущало то, что он с таким трудом превратил свою маленькую паршивую компанию в крупное акционерное общество, а пожить и насладиться плодами не успел — и тут же загнулся.

Самое тяжелое в мире — это когда человек умер, а деньги не потрачены.

Главное, что он был еще молод, еще не обзавелся семьей, и кому теперь досталось то добро, которое он зарабатывал потом и кровью, — одному черту известно!

При этой мысли Се Аньлань поднес бунтоу к губам и откусил добрый кусок.

ТЬФУ!

Зубы чуть не сломал!

Поистине, он восемь поколений не ел столь отвратительных бунтоу; даже в детстве, когда его отец прогорел в бизнесе и кредиторы приходили выбивать долги, он не опускался до такого жалкой нищеты.

Стоило переместиться во времени — и статус вроде бы благородный, а жизнь куда хуже, чем у простой семьи в современности.

В какую эпоху и у какого вана жизнь была хуже, чем у него? Знатный ван, драгоценное тело, а вокруг нет даже служанки или слуги, и утром приходится давиться вчерашними холодными бунтоу.

Ничего не поделаешь, придется есть и холодные, лишь бы через пару дней не пришлось остаться и без них.

Ведь когда он брал бунтоу, то обнаружил, что запасов еды в имении вана хватит от силы еще на два-три дня.

Взяв бунтоу, он принялся бродить по имению вана в надежде отыскать какую-нибудь ценную вещь, чтобы сбыть ее и выручить немного денег.

В конце концов, это же имение вана, худая кляча все равно больше собаки, так что стоит найти хоть какую-то искусственную горку, камень или старинную нефритовую подвеску — и этого хватит на безбедную жизнь еще очень надолго.

Но результат оказался весьма плачевным: не говоря уже о ценных вещах, даже пролетающие мимо воробьи не удостоивали двор своим вниманием.

В конце концов ему пришлось обратить взор на парадные ворота имения вана: древние люди любили ставить у входа пару каменных львов, чтобы подчеркнуть свой статус, а первоначальный владелец этого тела все-таки был ваном, так что подобный символ положения просто обязан был иметься...

Однако суровая реальность вновь нанесла ему тяжелый удар.

У пустынного парадного входа в имение вана лежал толстый слой опавших листьев — не то что каменных львов, даже муравья не было видно.

Даже ворота имения вана со скрипом раскачивались под зимним ветром, словно собираясь окончательно развалиться. Единственным подтверждением былого величия оставалась лишь дощечка над входом, где размашистым почерком красовались три иероглифа Резиденция князя Чэнь, а больше в этом имении не нашлось ни единой приличной вещицы.

Если говорить о текущем моменте, то не только имение вана, весь народ Великой Юн, судя по всему, бедствовал и страдал.

С тех пор как двадцать лет назад племена степняков племени Хуянь поднялись, грабя, сжигая и убивая на границах Великой Юн и развязав войну, армия династии терпела поражение за поражением, и всего за пять лет умудрилась потерять целых десять городов.

Прежний император был туп и бездарен, предавался разврату и беззаконию; стоило начаться войне, как он даже не смог выплатить жалованье приграничным воинам, остудив их сердца, — кто же после этого захочет проливать кровь за династию.

Вдобавок к этому вражеские солдаты степняков отличались свирепым нравом: если защитники города благоразумно сдавались, пленных не убивали, но если проявляли упрямство, города вырезали подчистую.

После нескольких таких случаев воины Великой Юн падали духом еще до начала битвы, теряя боевой настрой.

Однажды дело едва не дошло до того, что степняки прорвались к самым стенам императорской столицы, а прежний император от страха едва не наложил в штаны. К счастью, старый генерал Лу Хунмяо, охранявший юго-западные рубежи, вовремя принял решительные меры, спешно вернул войска к столице и преградил путь степнякам, рвущимся в город, переломив ход событий.

В последующие пять лет он же последовательно повел армию семьи Лу на отвоевание пяти городов, проявив поистине выдающуюся доблесть.

Увы, даже самые храбрые порой совершают ошибки: при освобождении Города Цзяньцзя младший сын старого генерала Лу предал родину и перешел на сторону врага, из-за чего сотысячная авангардная армия семьи Лу погибла до последнего человека.

Узнав об этом, старый генерал Лу от страшного душевного потрясения едва не истек кровью; он повел весь свой род на отчаянный бой, истребляя мятежников, чтобы почтить души ста тысяч воинов армии семьи Лу.

Целое поколение герцогов героически погибло в том бою, а от двухсот восьмидесяти членов семьи Лу в живых остался лишь один внук сопливого возраста.

Увы, даже жестокая битва не помогла вернуть Город Цзяньцзя, а из-за предательства Лу Цзымина внуку старого генерала не позволили унаследовать титул и владения Резиденция герцога.

Хотя Великая Юн понесла тяжелейшие потери в этой войне, степным племенам также был нанесен серьезный удар, что дало Великой Юн передышку.

Пять лет назад прежний император скончался, на престол взошел новый правитель, и племена степняков вновь зашевелились, развязав войну в окрестностях Река Яньхэ. Однако новый император не был столь бездарен, как его предшественник: изо всех сил он приказал Маркиз Вэйюань удерживать район Река Яньхэ.

Маркиз Вэйюань, разумеется, оправдал высочайшее доверие.

Но прежний император все же досуха опустошил государственную казну, из-за чего правление нового императора в течение этих пяти лет выдалось особенно тяжелым. Желая избежать участи правителя павшей страны, он то и дело пополнял казну из собственных личных сбережений, а в его гареме, кроме Императрица, не было ни единой наложницы.

Императорский дворец пустовал настолько, что в нем можно было устраивать конные забеги, так что Се Аньлань вполне мог понять упадок собственного имения вана.

Понять-то он понимал, но это вовсе не означало, что он мог с этим смириться.

Сейчас во всем поднебесном мире знали: стоит пасть рубежам у Река Яньхэ, как гибель государства станет неминуемой.

Кому именно принадлежал этот мир и кто восседал на троне, Се Аньланя волновало меньше всего на свете, но раз уж доставшееся ему тело являлось ваном Великой Юн, то при падении государства его собственная участь не сулила ничего хорошего.

Иными словами, едва переместившись в этот мир, он не только лишился миллиардного состояния, превратившись в нищего, но вдобавок был вынужден нести груз обреченной на гибель страны...

Проглотив бунтоу, Се Аньлань прищурился. Он помнил, что в момент перемещения его тело окутывало синеватое сияние, и если он не ошибался, то это свечение напрямую было связано с его попаданием сюда.

И впрямь...

В следующее мгновение перед глазами Се Аньланя возникла прозрачная синяя панель.

Прямо как экран компьютера.

Подгоняемый любопытством, Се Аньлань протянул руку и легко коснулся панели пару раз, после чего прозрачная синяя поверхность развернулась рядами разнообразных изображений.

Там были картинки с самыми разными цветами, изображения различных растений, а также фотографии всевозможных снеков и товаров повседневного спроса — словом, ассортимент поражал воображение и пестрил разнообразием.

Однако под каждым изображением значился набор цифр, а на самом верху красовалась поисковая строка, выглядевшая точь-в-точь как упрощенная версия какой-нибудь интернет-торговой площадки.

Се Аньлань наугад ткнул в одну из картинок, и интерфейс ожидаемо переключился на страницу покупки. Но стоило ему нажать кнопку приобрести, как всплыло сообщение о недостаточности средств.

Се Аньлань: «???»

Это что же, мои доступные на счетах миллиарды пошли вам на корм?

Хватило же сил перенести меня сюда, так почему не хватило ума перенести и мои деньги?

Как раз в тот момент, когда Се Аньлань пребывал в глухом унынии, сзади раздался старческий голос:

— Высочество изволил встать столь рано, неужели собираетесь идти скрываться от долгов?

— От долгов? От каких долгов? — опешил Се Аньлань и выпалил вопрос.

Пожилой старик посмотрел на слегка растерянное лицо обернувшегося Се Аньланя, опустил взгляд, слегка согнулся и с глубочайшим почтением произнес:

— Сегодня истекает срок выплаты долга, который Высочество сделал в Игорный дом Шэнъань в прошлые дни; кроме того, подходит к концу срок возврата серебра, занятого в прошлом месяце у наследника князя Хуайнань, а вчера хозяин Цзюйсянло заходил напомнить старому слуге и осведомиться, когда же Высочество соизволит полностью оплатить годовой счет за вино и еду, взятые в долг в его ресторане...

Се Аньлань слушал этот доклад с совершенно одурманенной головой.

Лишь добрые полминуты спустя он прервал старика и переспросил:

— То есть получается, что у меня на стороне еще и долги висят?

Услышав это, старик поднял голову и странно взглянул на Се Аньланя — во взгляде так и читалось: неужели вы сами не помните, сколько задолжали?

Се Аньланю стало слегка неловко. Он действительно ничего не помнил: в воспоминаниях этого тела не было и следа каких-либо займов, сплошь и рядом мелькали лишь картинки того, как он кутит с собутыльниками по борделям и увлеченно просаживает деньги в игорных домах.

Даже о бедственном положении дел в стране он догадался лишь по обрывкам фраз из тех же воспоминаний.

Из-за этого в первые мгновения после перемещения он даже испытывал легкую эйфорию, наивно полагая, что вновь ступил на путь победителя по жизни, но оказалось, что он все еще слишком наивен.

Старик странно посмотрел на Се Аньланя, но допытываться, почему тот ничего не помнит, не стал и с тем же почтительным поклоном ответил:

— Именно так.

У Се Аньланя тотчас невыносимо заныли зубы: выходит, эта резиденция вана пришла в такой упадок исключительно из-за пристрастия прежнего хозяина к азартным играм?

Ладно бы просто азартные игры, но зачем оставлять ему целую гору долгов?

Сейчас у него в кармане не было ни гроша, даже на еду не хватало, где ему теперь искать деньги, чтобы расплатиться по чужим счетам?

Мысль мелькнула в голове, и Се Аньлань тут же яростно покачал головой, сообразив, что что-то здесь не так: в таком огромном имении вана не могло не быть хоть какого-то постоянного дохода.

Поразмыслив немного, Се Аньлань обратился к стоявшему перед ним старику:

— Где находится мой удельный надел?

Услышав это, старик посмотрел на Се Аньланя с еще большим удивлением, подумав про себя, что ван вчера, видать, так сильно приложился головой, что совсем повредился рассудком, раз забыл даже собственный надел.

Хотя в мыслях роились подобные сомнения, на лице он не смел выказать и тени непочтения и послушно ответил:

— Высочество, ваш надел находится в Область Юнчжоу.

Юнчжоу — отличное название, от одного звучания веяло богатством.

Се Аньлань удовлетворенно кивнул, стряхивая с себя остатки уныния, и, приподняв брови, осведомился:

— А каков доход с моего удела?

Старик попался на редкость честный и принялся перечислять всё по порядку:

— Имеются железные рудники, леса, а поскольку Область Юнчжоу примыкает к Река Яньхэ, там также богатые рыбные промыслы.

Все остальное пока не имело значения, но уж железо Се Аньлань знал прекрасно — в древности железо ценилось наравне с золотом.

— А налоги с удела за этот год уже полностью поступили в казну? — Се Аньлань уже

прикидывал в уме: сейчас стояла зима, год еще не закончился, и даже если прежний хозяин промотал все текущие налоговые поступления, беды в этом не было — к новому году из удела в любом случае пришлют праздничные подношения. Проявив толику бережливости, можно было сперва погасить часть долгов, и если больше не вести себя столь легкомысленно, как прежний владелец, то за пару лет имение вана вполне смогло бы вернуть прежнее процветание.

Старик украдкой бросил взгляд на затылок Се Аньланя и осторожно произнес:

— Ван, неужели вы забыли, что главный город удела Юнчжоу, Город Цзяньцзя, ныне по-прежнему находится в руках степных племен, а в районе Река Яньхэ идет война, народ скитается в нищете и изгнании — какие уж тут налоги.

— ???

Ответ старика подействовал на Се Аньланя хлеще ледяного ливня посреди зимы, мгновенно остудив и превратив в лед только что разгоревшееся в груди пламя надежды.

Словно заранее зная, о чем Се Аньлань собирается спросить дальше, старик тут же добавил:

— Имущество, принадлежащее Высочеству, также было заложено вами в ростовщических лавках в те же дни, так что ныне, помимо этой резиденции вана, служащей вам крышей над головой, у Высочества не осталось никаких иных материальных ценностей.

Се Аньлань застыл...

Увидев, что Се Аньлань оцепенел и не шевелится, старик покачал головой, неизвестно где раздобыл метлу и принялся методично выметать опавшую листву у парадных ворот имения вана.

Пометав немного и о чем-то вспомнив, он почтительно обратился к Се Аньланю:

— Интересно, составил ли Высочество какой-то распорядок на завтрашнюю свадьбу?

— Чего?!